

УДК 82.0(091)

**ПРОБЛЕМА СЕМЬИ В ПОЭМЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА
«ПЕСНЯ ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА, МОЛОДОГО
ОПРИЧНИКА И УДАЛОГО КУПЦА КАЛАШНИКОВА»**

Н.Г. Комар

Аннотация

Статья посвящена проблеме семьи в поэме М.Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». В свете авторитетных в науке концепций и оценок нравственно-этического содержания произведения исследуются образные и сюжетные особенности поэмы в отношении их соответствия или расхождения с образными и сюжетными особенностями древнерусской литературы. Предметом сравнительного анализа являются такие произведения древнерусской литературы, как «Повесть о житии Петра и Февронии Муромских», «Слово о полку Игореве»; привлекается также роман А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Делается вывод о том, что отображённые в поэме реалии XIV века служат преимущественно историческим фоном, выражающим мирозерцание, чуждое культуре Древней Руси.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, проблема семьи, древнерусская литература, традиции.

Несмотря на то что «мысль семейная» является одной из главных в русской литературе, для творчества М.Ю. Лермонтова не характерно изображение человека в кругу семьи: как правило, его герои – одиночки. Поэма «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (далее «Песня...») является одним из немногих исключений, так как речь в ней идёт о семье и её защите. Более того, данное произведение даёт повод многим исследователям и критикам говорить о нарастании христианских настроений в поздних произведениях поэта. Так, И.А. Киселёва в докторской диссертации пишет, что творчество Лермонтова «являет собой особый религиозно-философский и культурный феномен, питающийся из истоков православной религиозности и оказывающий непосредственное глубокое влияние на становление русского национального самосознания» [1, с. 40]. Правда, существует и другой подход, согласно которому юношеский демонизм М.Ю. Лермонтова в период зрелости никуда не исчез, а просто принял иные формы. В этом смысле, для нас важно свидетельство Игнатия Брянчанинова, который говорит о духовной опасности, исходящей от образа Печорина, так как Печорин соблазняет: «Мастерская рука писателя оставила на изображённом ею образе безнравственного, чуждого религии и правды человека, какую-то мрачную красоту, приманчивую красоту ангела отверженного. Григорий Александрович соблазняет, не только при чтении его подвигов, соблазняет сильным впечатлением, которое остаётся и долго

живёт по прочтении романа. <...> При жизни он был мёртв для общества... заражал смертным недугом всякого, кому бы ни пришлось быть в соприкосновении с ним. И этого мало! несмотря на своё нравственное одиночество, на своё отчуждение от людей, Печорин оставил по себе многочисленное потомство последователей» [2, с. 478–479]. Момент соблазна в поздних творениях поэта отмечают и С.О. Бурачок, Вл. Соловьёв, М.М. Дунаев и др. Возникает вопрос: почему так противоречивы эти оценки? Надеемся, рассмотрение «мысли семейной» в поэме позволит ответить на данный вопрос.

В зачине «Песни...» рассказчиком обозначаются три главных персонажа: царь, его любимый опричник (правда, мы так и не узнаем, почему его любит царь) и смелый купец. О самой песне сообщается, что её три дня слушали, угощаясь вином и всякими яствами, и «православный народ ею тешился» (Л.П., с. 340). Выражение «православный народ ею тешился» вызывает вопрос. Смысл слова *тешился* связан с моментом развлечения. В данном значении оно несколько раз употребляется в поэме: бой кулачный ради потехи, царь тешится (Л.П., с. 349, 350). Но тогда сочетание развлечения с «православным народом» является оксюмороном, так как для русского православного человека XVI в. развлечение, тем более жестокое, было несовместимо с христианским образом жизни. И тогда мы не можем говорить о том, что в «Песне...» выражается христианское мировоззрение. С другой стороны, слово с приставкой «у» – *утешение* – имело значение ‘мирное устроение души, дарованное Богом’. И, может показаться, именно на такое значение указывает содержание «Песни...», в которой купец принимает смерть за свою жену, приносит свою жизнь в жертву ради ближнего. И это уже вполне христианский поступок, которым можно утешаться. Однозначного разрешения отмеченное нами противоречие зачин поэмы не даёт. И это не потому, что М.Ю. Лермонтов ошибся в слове. Представляется, что данное двоение смысла слова *тешится* носит принципиальный характер: оно указывает на иронию, на смеховое начало как основу художественного мира произведения. В. Гольштейн пишет: «Само заглавие поэмы представляется довольно ироничным. Очевидно, что настоящим её героем является купец Калашников, но заглавие представляет действующих лиц согласно земной иерархии: царь, опричник, купец. <...> Ничего не говорится ни о взаимоотношениях этих персонажей, ни о трагическом завершении этих взаимоотношений. Земная иерархия и ценности подчёркиваются – явно не без иронии – на протяжении всего стихотворения. Кажется, что певцы не способны понять трагическую сторону столкновения и поэтому исполняют свою песню с единственной целью развлечь какого-то неизвестного боярина и его белолицую жену» [3, с. 945].

Повествование начинается не с описания и характеристики семьи, а с того, что Кирибеевич на пиру открывает царю свою страсть к Алёне Дмитриевне. Здесь очень ярко представлена тема соблазна: сначала говорится, что Алёна Дмитриевна не просто красива: *На святой Руси, нашей матушке, / Не найти, не сыскать такой красавицы* (Л.П., с. 343).

Очень чувственно автором передаётся внешняя красота героини и её действие на опричника: *Как увижу её, я и сам не свой: / Опускаются руки сильные, / Помрачатся очи бойкие* (Л.П., с. 343). Далее Кирибеевич сетует, что ему всё

«опостылело»: *С кем казною своей поделюсь теперь? / Перед кем покажу удалство своё? / Перед кем я нарядом похвастаюсь?* (Л.П., с. 343).

Вместе с темой страсти сразу же появляется тема смерти, излюбленная для М.Ю. Лермонтова, которая будет лейтмотивом произведения: *А прогневал я тебя – воля царская: / Прикажи казнить, рубить голову, / Тяготит она плечи богатырские / И сама к сырой земле она клонится* (Л.П., с. 342). Или: *Мои очи слёзные коршун выклюет, / Мои кости сырые дождик вымоет, / И без похорон горемычный прах / На четыре стороны развеется!..* (Л.П., с. 343).

Однако Кирибеевич, признаваясь в своих чувствах к Алёне Дмитриевне, лукавит царю – не говорит, что она «в церкви божией перевенчана» (Л.П., с. 344). Здесь рассказчик называет его «лукавым рабом» (Л.П., с. 344), и это вполне соотносится с его происхождением: М.Ю. Лермонтов подчёркивает, что опричник из рода злодея Малюты Скуратова. В народе даже не сохранилось настоящее имя Малюты, а только прозвище. Так и у Кирибеевича нет имени. С другой стороны, его образ противоречив, что подметил С.В. Ломинадзе в книге «Поэтический мир Лермонтова». М.Ю. Лермонтов сравнивает Кирибеевича с сосенкой, с голубем сизокрылым, называет его добрым молодцем. В «Песне...» «вообще никто больше [кроме Кирибеевича] с такой щемящей теплотой не производит имени Божьего... ни в чьём другом голосе не звучат такие задушевные, херувимски-чистые тона: “На святой Руси, нашей матушке... Как заря на небе Божиим...”» [4, с. 172]. Исследователь даже проводит параллель между образами Кирибеевича и Демона, героя одноимённой поэмы М.Ю. Лермонтова. Правда, он останавливается на этом наблюдении и не делает никаких выводов, так и остаётся непонятным: Кирибеевич – «лукавый раб» или «голубь сизокрылый». Данное противоречие, уже очередное, позволяет сделать вывод, что момент двойственности смысла заложен в основу художественного мира поэмы.

Противоречив, на наш взгляд, и образ купца Степана Парамоновича Калашникова. Впервые он упоминается в начале произведения и характеризуется смелым, затем читатель знакомится с ним во время торговли, которая не задалась: *Шёлковые товары раскладывает, / Речью ласковой гостей он заманивает, / Злато, серебро пересчитывает* (Л.П., с. 344).

С помощью глаголов «раскладывает», «заманивает», «пересчитывает», указывающих на продолжительное незавершённое время, создаётся образ дельца, занятого прибылью. Такое изображение не согласуется с традиционной для древнерусской литературы XVI века характеристикой положительного человека. В. Гольштейн считает, что «Лермонтов описывает Калашникова как человека, который будет отстаивать и защищать своё со свирепостью сторожевой собаки. В лице Калашникова Лермонтов создаёт некий эквивалент средневековых английских баронов» [3, с. 946]. Рассказчик повествует и о том, что купец торгует во время вечерней службы, а его жена вынуждена одна пойти в церковь. Очень ярко рассказчик передаёт реакцию Калашникова на известие о том, что Алёна Дмитриевна ещё не вернулась с богослужения. Муж не собирается её встречать, не идёт успокаивать детей, которые до сих пор плачут, а встаёт задумчиво у окна. Не менее показательна и сцена возвращения супруги: *Вот он слышит в сенях дверью хлопнули, / Потом слышит шаги торопливые; / Обернулся, глядит – сила*

крестная! – / Перед ним стоит молода жена, / Сама бледная, простоволосая (Л.П., с. 345).

Калашников видит жену испуганной и бледной, но вместо того, чтобы спросить её, узнать, в чём дело, успокоить, он накидывается на неё с обвинениями, угрозами и бранью. Мы видим у мужа изначальное отсутствие доверия к своей жене: *Уж ты где, жена, жена, шаталася? / На каком подворье, на площади, / Что растрёпаны твои волосы, / Что одёжа твоя вся изорвана? / Уж гуляла ты, пировала ты, / Чай, с сынками всё боярскими!..* (Л.П., с. 346). Заканчивается эта брань словами: *Как запрю я тебя за железный замок, / За дубовую дверь окованную, / Чтобы свету Божьего ты не видела, / Моё имя честное не порочила...* (Л.П., с. 346).

После такой встречи, жена задрожала, затряслась, повалилась в ноги мужу. И первое, что она говорит: *Иль убей меня или выслушай* (Л.П., с. 346). Она ничего не боится, кроме немилости мужа – ни «смерти лютыя», ни «людской молвы». И здесь мы видим, что древнерусская православная традиция расходится с лермонтовской интерпретацией: под словами апостола Павла «жена да убоится своего мужа» (Ефес. 5:33) подразумевается почтительное отношение к супругу, как к главе семьи – малой церкви, за которым стоит сам Бог, следовательно, в первую очередь, она должна бояться Бога, иметь страх Божий. Тем более, жена не должна бояться мужа, если она не виновна, но должна видеть его доверие, чувствовать его заботу и верить в способность её защитить. У Алёны Дмитриевны, как показывает автор, не страх Божий, а страх животный перед мужем: *Смотрят очи мутные, как безумные; / Уста шепчут речи непонятные* (Л.П., с. 345).

Невольно напрашивается сравнение с Машей Мироновой из романа А.С. Пушкина «Капитанская дочка», которая тоже оказалась в неволе у Швабрина и рядом не было защитников, однако она молилась, просила у Бога, чтобы письмо как-нибудь дошло до Гринёва (так и сказано в письме) (П., с. 582).

Обращает внимание ещё одно расхождение с традициями древнерусской литературы XVI века: Алёна Дмитриевна, рассказывая про преследования Кирибеевича, не щадит своего мужа, но описывает всё в мелких нецеломудренных подробностях. Не так в «Повести о житии Петра и Февронии Муромских» (далее «Повести...»). Мы помним, там змей нанёс жене Павла более тяжкую обиду, однако Ермолай-Еразм не передаёт никаких нецеломудренных подробностей. Нет соблазнительного описания женской внешности. Нет и страха жены перед мужем: княгиня верит, что он её защитит и избавит от змея, а Павел ни в коем случае не ругает свою жену – ей итак болезненно терпеть оскорбления от дьявола. Древняя Русь не знала всего того, что описывает М.Ю. Лермонтов. Воспевание женской красоты, проблема ревности, мучений от любовного чувства появляются в русской литературе в эпоху Петра I с проникновением западных произведений. Вспомним ещё один эпизод из «Повести...»: когда Феврония с мужем переправлялись в лодке, на княгиню с вождением посмотрел женатый человек (автор не говорит, что красота Февронии соблазнила его), но она мудро обличила и устыдила его (Ж.П.Ф.М., с. 467).

Противоречие авторской оценки Алёны Дмитриевны наблюдаются в её диалоге с мужем: сначала она говорит, что не боится молвы, однако заканчивает

свою речь словами: *Опозорил он, оскрамил меня, / Меня, честную, непорочную, / И что скажут злые соседушки, / И кому на глаза покажусь теперь?* (Л.П., с. 347).

В древнерусской словесности, к которой по крайней мере на уровне стиля обратился М.Ю. Лермонтов в «Песне...», самой главной проблемой являлась сотериологическая. Для Лермонтова же эта тема не представляет интереса. Из разговоров Алёны Дмитриевны и Степана Парамоновича следует, что спасение души они не берут во внимание, так как считают себя праведниками и боятся не греха, а людской молвы, но постоянно говорят, что презирают её.

Дальнейшие поступки Калашникова подтверждают вышеназванный тезис. Но прежде чем проанализировать их, опять обратимся к «Повести о Петре и Февронии Муромских». После того, как княгиня рассказала мужу, что в его образе к ней приходит змей и мучает её, Павел не бросается бездумно на противника, а сначала размышляет, советуется с братом Петром, и в результате не он убивает змея, а Пётр (Ж.П.Ф.М., с. 459). Можно вспомнить и историю из Священного Писания: когда царь Давид приходит в Секелаг, где он жил со своей семьёй, и обнаруживает, что город сожжён, а все его родные уведены в плен, то он вместо того, чтобы броситься в погоню, сначала вопрошает Бога, надо ли гнаться за врагами, угодно ли это Богу. Господь велит Давиду догнать обидчиков и вернуть своих близких и всё своё богатство. Так и сделал царь (1 Царств, 30: 1–25). Вспомним и героев «Капитанской дочки» Пушкина, через которых автор отстаивает традиционные семейные ценности, основанные на христианстве.

В произведении М.Ю. Лермонтова иное мировоззрение. Его главный герой Калашников поступает не по Божией, а по своей воле: он не остыл от гнева, не пришёл в себя, не обратился за помощью к Богу, а, руководствуясь страстью – чувством мести, немедленно прямо в тёмную морозную ночь посылает за двумя младшими братьями, которые поднимаются с постели и приходят к нему.

Самое страшное для героев М.Ю. Лермонтова – потерпеть обиду. Калашников не является исключением. Он не только сам задумывает преступление – отомстить своему обидчику, он призывает к этому и своих младших братьев: *Уж как завтра будет кулачный бой / На Москве-реке при самом царе, / И я выйду тогда на опричника, / Буду насмерть биться, до последних сил, / А побьёт он меня – выходите вы / За святую правду-матушку. / Не сробейте, братцы любезные! / Вы моложе меня, свежей силою, / На вас меньше грехов накопилось, / Так авось Господь вас помилует!* (Л.П., с. 348).

Последние две строки тоже являются лермонтовской интерпретацией христианского вероучения. Духовный уровень человека не определяется его биологическим возрастом, только Бог знает степень греховности каждого человека. Христианство исходит из положения, что все люди повреждены в результате первородного греха, все нуждаются в исцелении. А накопиться могут грехи только на том человеке, который не раскаивается в них. Фраза Калашникова «авось Господь вас помилует» указывает на неверие героя: он толкает братьев на убийство, прикрываясь понятием «святой правды-матушки». Такое понимание расходится с традицией древнерусской литературы. Наоборот, отстаивать и искать правду на земле, убивать за неё людей всегда считалось недостойным,

идеал древней Руси – воплощать правду в своей собственной жизни, жить по истине.

Младшие братья тоже не руководствуются Божиими заповедями, а бездумно подчиняются авторитету старшего, и в их речах звучит мотив смерти: *Когда сизый орёл зовёт голосом / На кровавую долину побоища, / Зовёт пир пировать, мертвецов убирать, / К нему малые орлята слетаются, / Ты наш старший брат, нам второй отец; / Делай сам, как знаешь, как ведаешь, (а не как Бог велит. – Н.К.) / А уж мы тебя, родного, не выдадим* (Л.П., с. 348).

Здесь очевиден призыв к дуэли, имеющий возвышенный пафос. Более того, дуэль воспевается и оправдывается автором под видом «святой правды-матушки». Читатель вводится в заблуждение и фразой царя, который решает за Бога: *А кто будет побит, тому Бог простит!* (Л.П., с. 349), хотя речь в поэме идёт не о случайном убийстве, да и цель кулачного боя – потешить царя, а не защитить Родину, однако М.Ю. Лермонтов называет этот бой «богатырским» (Л.П., с. 351).

Видится смысловое несоответствие эпохе XVI в. и в том, когда Калашников, выходя на бой, нарушает иерархию: *Поклонился прежде царю грозному, / После белому Кремлю да святым церквам, / А потом всему народу русскому* (Л.П., с. 350). На вопрос Кирибеевича, какого он роду-племени, Калашников начинает отвечать в духе фарисея: *А родился я от честнова отца, / И жил я по закону господнему: / Не позорил я чужой жены, / Не разбойничал ночью тёмною, / Не таился от свету небесного... / <...> / К тебе вышел я теперь, бусурманский сын, / Вышел я на страшный бой, на последний бой!* (Л.П., с. 350).

Древнерусская традиция утверждает, что не в силе Бог, а в правде, что сила в немощи совершается. Так, у А.С. Пушкина именно такой взгляд в «Капитанской дочке». Вспомним фразу Ивана Игнатъича: «Вы с Алексеем Иванычем побранились? Велика беда! Брань на вороту не виснет. Он вас побранил, а вы его выругайте; он вас в рыло, а вы его в ухо, в другое, в третье – и разойдётесь; а мы вас уж помирим. А то: доброе ли дело заколоть своего ближнего...?» (П., с. 549). Совсем другое отношение к поединкам мы видим в творчестве М.Ю. Лермонтова: в «Песне...» по-прежнему центральное место занимает культ индивидуализма. Ни разу за весь бой Калашников не вспомнил ни о Боге, ни о жене, ни о своих детях, а в конце поэмы он, можно сказать, отрекается от них: *Поклонитесь от меня Алёне Дмитриевне, / Закажите ей меньше печалится, / Про меня моим детушкам не сказывать* (Л.П., с. 353).

Интересно отметить: ключевой эпизод, в котором двойственность смысла достигает определённого апогея, связан с образом креста. В тот момент, когда Кирибеевич ударил купца в грудь, медный крест со святыми мощами погнулся и вдавился в грудь Калашникова. С одной стороны, совокупность таких деталей, как крест и кровь, да ещё в соединении с мотивом жертвенной смерти (вышел погибать за жену) красноречиво указывают на жертвенный подвиг Иисуса Христа. Но, как и во всей поэме, в данном эпизоде существует и обратная сторона, граничащая с кощунством. У М.Ю. Лермонтова крест не орудие спасения человека, на котором пролил кровь Христос, а орудие против человека, из-за которого брызнула человеческая кровь и затрещала грудь купца, а сам крест исказился. Сомнительна и духовная значимость креста для купца, так как

он не молится перед боем, не целует его. Крест выполняет функцию амулета. Многие исследователи считают, что именно крест сохранил жизнь Калашникову, потому что он не умер от удара Кирибеевича. Тогда зададимся вопросом: для чего ему была продлена жизнь? Получается, жизнь продлена для мстительного убийства, так как после поединка царь всё равно казнил купца.

Вот размышления Калашникова после эпизода с крестом: *И подумал Степан Парамонович: / «Чему быть суждено, то и сбудется; / Постою за правду до последнева!»* (Л.П., с. 351). Здесь появляется мотив рока, тоже излюбленный для М.Ю. Лермонтова, в результате чего герой предпочитает смерть, он согласен бросить свою семью на произвол судьбы, лишь бы убить соперника, и после приговора поручает её не Богу, а Ивану Грозному (переменчивый нрав которого тоже налицо в произведении): *Не оставь лишь малых детушек, / Не оставь молодую вдову / Да двух братьев моих своей милостью...* (Л.П., с. 352). На что царь говорит, что материально позаботится о них: *Молоду жену и сирот твоих / Из казны моей я пожалую, / Твоим братьям велю от сего же дня / По всему царству русскому широкому / Торговать безбедно, безошлинно* (Л.П., с. 352).

Однако всё это никак не заменит отца семейства, которого она лишается из-за глупой мести. В конце царской речи также звучит ирония: *А ты сам ступай, детинушка, / На высокое место лобное, / Сложи свою буйную головушку. / Я топор велю наточить-наострить, / Палача велю одеть-нарядить, / В большой колокол прикажу звонить, / Чтобы знали все люди московские, / Что и ты не оставлен моей милостью...* (Л.П., с. 352). У А.С. Пушкина совсем другая царская милость, она именно милость, а здесь, как видится, зловещая ирония.

Перед смертью Калашников не прощается ни с женой, ни с детьми (не даёт наказа своим детям), он умирает не только без покаяния, но даже без сожаления о своём поступке, то есть перед лицом вечности уверен в своей правоте. Правда, он, как Катерина в «Грозе» А.Н. Островского перед самоубийством, просит молитв за него. При чтении данного эпизода вспоминается «Прощальное письмо» декабриста К.Ф. Рылеева перед казнью, примечательное тем, что в нём выражены покаянные чувства современника М.Ю. Лермонтова в момент ожидания казни и осознание семейных ценностей, которые он отрицал до этого: «Бог и Государь решили участь мою: я должен умереть и умереть смертью позорною. Да будет Его святая воля! Мой милый друг, предайся и ты воле Всемогущего, и он утешит тебя. За душу мою молись Богу. Он услышит твои молитвы. Не ропщи ни на него, ни на Государя: это будет и безрассудно и грешно. Нам ли постигнуть неисповедимые суды Непостижимого? Я ни разу не взроптал во все время моего заключения, и за то Дух Святой дивно утешал меня. Подивись, мой друг, и в сию самую минуту, когда я занят только тобою и нашею малюткою, я нахожусь в таком утешительном спокойствии, что не могу выразить тебе. О, милый друг, как спасительно быть христианином. Благодарю моего Создателя, что Он меня просветил и что я умираю во Христе. Это дивное спокойствие поручкою, что Творец не оставит ни тебя, ни нашей малютки. Ради Бога не предавайся отчаянью: ищи утешения в религии. Я просил нашего священника посещать тебя. Слушай советов его и поручи ему молиться о душе моей... <...> Настеньку благословляю мысленно Нерукотворным образом Спасителя и поручаю тебе более

всего заботиться о воспитании её. Я желал бы, чтобы она была воспитана при тебе. Старайся перелить в неё свои христианские чувства – и она будет счастлива, несмотря ни на какие превратности в жизни, и когда будет иметь мужа, то осчастливит и его, как ты, мой милый, мой добрый и неоценённый друг, осчастливила меня в продолжение восьми лет. Могу ль, мой друг, благодарить тебя словами: они не могут выразить чувств моих. Бог тебя наградит за всё» (Р., с. 350–351).

Таким образом, М.Ю. Лермонтов, обращаясь к XVI веку, не следует традициям древнерусской словесности, скорее, посредством исторических реалий русского XIV века выражает своё мировидение. В поэме прослеживается совсем иная, чуждая нашей культуре, традиция изображения семьи и её ценностей. В древнерусской литературе семья воспринимается как малая церковь. В «Песне...» нет малой церкви, несмотря на то что герои перевенчаны «по закону нашему христианскому» (Л.П., с. 344), так как нет Бога как главы этой малой церкви. Женщина здесь представлена как соблазнительная сила и одновременно как забитое существо, боящееся своего мужа, но просящее об отмщении.

Если мы вспомним спор вокруг «Слова о полку Игореве» – языческое это произведение или христианское, то констатируем полную доказательность того, что произведение не языческое, так как его содержание, главная идея, смысл христианские, несмотря на обилие славянских богов и другие языческие реалии. Всё с точностью до наоборот происходит с М.Ю. Лермонтовым: к концу своей жизни в его творчестве всё больше появляется христианских символов, образов, понятий, что мы наблюдаем и в «Песне...», однако он истолковывает их по-своему, и содержание всех этих символов и понятий не соответствует евангельскому смыслу. Автор произвольно изменяет этот смысл, что влечёт за собой подмену ценностей. Делает М.Ю. Лермонтов это с огромным художественным мастерством, что привлекает читателя. Возникает впечатление запутывания, затуманивания автором читательского восприятия, так как герои Лермонтова сотканы из взаимоисключающих противоречий. Только остаётся не прояснённым, эти противоречия намеренные или нет.

В завершение отметим одно предположение: индивидуализм М.Ю. Лермонтова, основанный на эгоцентризме, парадоксальным образом сближает его художественное мировидение с мировоззрением и идеалами советской эпохи. Калашников и его младшие братья руководствуются следующей философией: убьём того, кто не хочет жить по нашей «святой правде-матушке». Кстати, смерть и могила воспринимаются тоже без оглядки на вечность. И заканчивается поэма М.Ю. Лермонтова, как и начиналась, славой, только в начале славили царя, а не Бога (хотя сказано, что пир был во славу Божию), а в конце вот кого славят: *Тороватому боярину слава! / И красавице боярыне слава! / И всему народу христианскому слава!* (Л.П., с. 353), – но, увы, теперь нет славы ни Богу, ни царю.

Summary

N.G. Komar. The Problem of Family in M.Yu. Lermontov's Poem "The Song about Tsar Ivan Vasilyevich, the Young Oprichnik, and the Daring Merchant Kalashnikov".

The paper is devoted to the problem of family in M.Yu. Lermontov's poem "The Song about Tsar Ivan Vasilyevich, the Young Oprichnik, and the Daring Merchant Kalashnikov". The most authoritative scientific concepts are considered. The moral and ethical content of the work is evaluated. The figurative and narrative features of the poem are explored in relation to their conformity or discrepancy with those of the Old Russian literature. The subjects of comparative analysis are literary works representing the Old Russian literature ("The Tale of Igor's Campaign" and "The Tale of Peter and Fevronia of Murom") and A.S. Pushkin's novel "The Captain's Daughter". It is concluded that the realities of the 14th century depicted in the poem serve mainly as a historical background expressing the worldview, which was alien to the culture of the Ancient Rus'.

Keywords: M. Yu. Lermontov, problem of family, Old Russian literature, traditions.

Источники

- Л.П. – *Лермонтов М.Ю.* Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова // Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Правда, 1969. – Т. 4. – С. 340–353.
- П. – *Пушкин А.С.* Капитанская дочка // Пушкин А.С. Избранные сочинения: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1978. – Т. 2. – С. 531–607.
- Ж.П.Ф.М. – Повесть о житии Петра и Февронии Муромских // Библиотека литературы древней Руси. – СПб.: Наука, 2000. – Т. 9: Конец XV – первая половина XVI в. – С. 452–471.
- Р. – *Рылеев К.Ф.* Сочинения: Стихотворения и поэмы. Проза. Письма. – Л.: Худож. лит., 1987. – 416 с.

Литература

1. *Киселёва И.А.* Творчество М.Ю. Лермонтова как религиозно-философская система: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2011. – 45 с.
2. Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова: в 8 т. – М.: Паломник, 2002. – Т. 4. – 783 с.
3. *Гольштейн В.* «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»: проблема героизма // М.Ю. Лермонтов: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2002. – С. 943–967.
4. *Ломинадзе С.В.* Поэтический мир Лермонтова. – М.: Современник, 1985. – 288 с.

Поступила в редакцию
16.01.15

Комар Наталья Геннадьевна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры русской литературы и методики преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: bellenkaja@yandex.ru